

СВЕТЛАНА ПАНКРАТОВА

РАЗЛУЧНИЦА

РАССКАЗ

— Ра-аскинулось море широко, и волны бушуют вдали-и, — по привычке начала было Татьяна, но тут же осеклась.

Не пелось сегодня, с утра уже нагрянули покупатели, по-хозяйски прошлись по саду-огороду, оглядели подвал, кухню, поднялись на второй этаж, другим ходом спустились на террасу, зачем-то постучали по ёмкости для воды. Задатка не оставили, пообещав подумать.

— Думайте, — усмехнулась Татьяна, повернувшись спиной к воротам, — не обдумайтесь только.

Татьяна баба ушлая, вёрткая, хватистая. Жизнь особо разнеживаться не давала. С двадцати пяти лет без мужа, сына поднимала, матери помогала. На квартиру сама заработала, на две машины, дачу отгрохала на диво всем соседям по участку.

— Не знаю, как это люди без денег могут жить, — удивляется Татьяна, — я лично не могу.

Фотография у неё есть занятная. “Евры” по дивану рассыпаны, а Татьяна среди них лежит, кошкой сытой жмурится. Из Германии, наверное, мешок с твёрдой валютой привезла. Три года там обиталась. На чужой земле и любовь нашла.

— Я ещё в молодости от одной улышалась... “Мы с ним спим, переплетаясь телами”, — потягивая коньяк, рассказывала Татьяна Иринке, подружке

ПАНКРАТОВА Светлана Геннадьевна родилась в Саратове. Окончила сценарный факультет ВГИКа. В 2008 году стала лауреатом Всероссийского конкурса имени В. И. Белова, в 2010-м — лауреатом конкурса им. Ю. С. Самсонова (Иркутск). Печаталась в коллективных сборниках, журнале “Волга XXI век”. Живет в Саратове.

задушевной, — и всё думала, как это “переплестись телами”?.. Неудобно же. После сорока только сподобилась понять, что ещё как удобно, и вообще...

До Германии Татьяна проводницей работала. Одному богу известно, чего ей стоило на берлинский поезд пробиться. Иначе бы не поднялась. По областям да тамбовам мотаться — всё равно что побираться. А просить Татьяну не умела, вот и везла контрабанду из европейской столицы, потом на своём горбу пёрла шампуни да кремы по парикмахерским и продавцам знакомым. Оптом брали. Винишко, минуя таможду, доставляла, средства моющие, когда и бытовую технику бэушную. Купленные пять лет назад “Жигули”, конечно, процесс реализации упрощали, но и новых забот добавляли немало. “Старичок” 81-го года выпуска слишком уж часто в серьёзном ремонте нуждался.

Но так или иначе, на ноги Татьяна прочно встала, а уж когда дача светлыми обоями да свежей краской засияла, то и вовсе себя счастливой почувствовала.

Дача...

На взгорке стоит, весь посёлочек к её стопам припадает, а она ничего, не чванится. Не королевишна, чай, и сама — труженица, хозяйюшка. В огромных окнах Волга отражается. Бескрайняя, как море. Серебро с лазурью... Век смотри, не насмотришься.

Такой красотой в одиночку любоваться — то же самое, что за изобильным столом без сотрапезников сидеть. Вот и созывала Татьяна гостей со всех волостей. И всем рада была. Кормила, поила, бельём кипенно-белым кровати да точаны застилала, на пляж на “жигулёнке” возила. Это только кажется, что Волга близёхонько плещется, за крышами соседних дач, а на самом деле, чтобы все заборы обойти, километров пять по дороге извилистой топать придётся.

Счастье долгим не бывает, вот и Татьянино одним ненастным августовским днём рухнуло. Пришла на работу, а Иринка за спинами проводников какие-то непонятные знаки руками делает.

— Чего ты? — подошла Татьяна.

— Мамедова начальником поезда поставили, — шепнула Иринка, — только узнали все, тебе хотела позвонить...

— Да ты что! — тоже шёпотом удивилась Татьяна. — Он же всего ничего у нас. И поопытнее найдутся.

— Теперь — всё, — с ужасом проговорила Иринка, — прикроет лавочку.

— Да брось ты, — отмахнулась Татьяна, — мы его знаем как облупленного. Вместе же...

— Вот потому и... всё. Посмотришь!

Иринка как в воду глядела. Житья им с Татьяной не стало. Придирки, насмешки, проверки, выговоры. С контрабандой пришлось завязать, так только, по мелочёвке кое-что перевозили.

— Чего он взъелся-то? — недоумевала Татьяна. — Как подменили.

— Выслуживается, — вздыхала Иринка.

— Сволючь он, сам-то по-прежнему товар возит, — не выдержала Татьяна после взбучки, полученной в присутствии всей бригады. — У нас половина — без мужиков, у всех дети. Кого растить, кого в институте учить. Чё на зарплату-то, да? Да пошёл он! Не могу больше.

Написала заявление “по собственному”, доверенность на машину на сына сделала, матери наказала за дачей присматривать и рванула к Ритке, подружке молодости. Муж Ритки-баскетболистки когда-то чуть ли не за “Автодор” играл, последние годы оба немецких детишек учат мячи в корзину забрасывать. У Ритки Татьяна с Енцем и познакомилась.

— Ты особо-то не надейся, — предупредила Ритка, узнав о романе, — мы для них...

— Какие? — обиделась Татьяна.

— Родителям своим он тебя представить не решится. Спорим?

Но родители и так никоим образом не вписывались в те отношения, что у Татьяны с Енцем сложились.

— Знаешь, — всё за той же бутылкой коньяка откровенничала Татьяна, — мы с ним на первом свидании в кино пошли, а я в кино тыщу лет не была. И как-то отвыкла, что ли, не знаю... Ничего не помню, чего там показывали. Потом вышли, а городок маленький, уютный, чистенький. Домишки такие... как в сказке. Вечер тёплый, луна, словно привязанная, за нами плывёт. И мы идём с ним, два старых дурака... как пионеры. Я ещё подумала: “Хорошо, что он меня за руку взял, а то бы... взлетела, как воздушный шарик...”

Иринка пьяно расплакалась.

— Чего ты? — улыбнулась Татьяна, погладив подругу по высветленным волосам.

— Не бывает так, Тань... ну в молодости ещё, ладно...

— Дура ты!

— Я дура, а ты вернулась.

— Отстань! Мать у него немощная. Чего она, одна должна жить? Енц к ней уехал, на другой конец Германии. Он так и сказал: “Я единственный сын, должен быть рядом, раз отец умер”.

— По-русски сказал?

— По-немецки.

— Мог бы и тебя взять, — продолжала расковыривать рану Иринка.

— На дачу поедешь? — спросила Татьяна.

— Некогда... на твою, своя у меня... с прошлого лета. Забыла? — Иринка виновато посмотрела на подругу.

За те три года, что Татьяна амурсы на немецкой земле разводила, родной город здорово изменился. Он стал другим не внешне, а будто душа его захлопнулась. Татьяна это сразу почувствовала. Бесшабашный, хулиганистый, горластый, гулевой, по-кучечески показушный, щедрый под настроение, вечно немного хмельной от волжских просторов, украшенный золотыми огнями, всей Россией воспетыми, он всегда был живым и сильным. Теперь же походил на вольного и жаркого скакуна, стреноженного для чьего-то злого удовольствия.

— Не вчера началось, — поджала мать сухие губы, выслушав Татьянин речи, — вспомни, когда маленькая-то была... Разве так было? Гуляночки-то, а? При всём народе! Дворами! Улицами гуляли! Одной гармонии мало, две давай. Потом... магнитофоны. А сейчас ещё чудней... По барам да ресторанам, как по норам, разбредутся и песни под это... караоке. Смех.

Но Татьяна не смеялась. Думала о деньгах. Их она любила до головокружения, до того, что хотелось мурлыкать под хруст купюр или, сделав из них веер, танцевать какой-нибудь страстный танец, чёрт-те что выделывая каблучками и пышной юбкой, непременно алой.

Но какой смысл в любви, если её некому передать... Раз есть деньги, нужно собирать друзей, пить с ними вино, говорить обо всём на свете, петь, пусть и под караоке. Для того и крытую террасу Татьяна сделала огромной, чтобы всем места хватало. Первые-то два года раз пять приходилось плотника с другого конца посёлка звать — от плясок-трясок половицы пополам переламывались. У Татьяны-выдумщицы и цыганские костюмы, и русские, индейский даже есть, с головным убором из настоящих перьев. Сценарии писали, песни сочиняли, розыгрыши устраивали. Соседи, как на спектакли, приходили.

— Неужели продашь? — спросила мать, сидя посреди террасы в плетённом кресле и глядя на Волгу. — Ну и правильно. Чего тут? За рыбой и то мужики вниз на лодках ходят. Тральщики — туда-сюда, туда-сюда, всё дно уже выскребли.

— Это здесь при чём? — раздражённо спросила Татьяна, набирая номер на мобильном. — Рыбачка... тоже мне. Да не тебе я, Кать. Здравствуй. Чего делаешь? А... А... Делать вам нечего. Бери его и ко мне приезжайте. М-м... У меня не сломана, встречю вас. Дни-то какие стоят! А... А... Ну давай!

— Чего? — осторожно спросила мать.

— Костика записали в какую-то школу, супер-пупер. Всё лето заниматься будут. Репетиторов наняли. На один бы день могли вырваться, так маши-

на в ремонте. К чёрту! — вскочила Татьяна, швырнув телефон на стол. — К Галке поеду! За шкурку её приволоку! Дачи у неё нет, внуки ещё в колясках. — Эсэмэска пришла, — поднялась и мать.

“Думаю о тебе каждый день, — в слух и на ходу читала Татьяна, — мама здорова. Какая у вас погода?”

— Это, — потрясла Татьяна телефоном, — не он! Это... я не знаю кто мне пишет! Сплетенье тел, сплетенье душ, судьбы сплетенье... Господи-и!

По дороге к Галке заехала на свои торговые точки. После возвращения из Германии Татьяна предпринимательницей заделалась, арендовала по шесть квадратов в двух супермаркетах, ездила в Москву за игрушками-безделушками, сама стояла за прилавком, ещё и трёх продавцов наняла, их и приходилось контролировать.

“От выручки нужно платить, а не деньщину, — думала Татьяна, подъезжая к Галкиному дому, — тогда проворнее будут. Бизнесменша из меня...”

“А-а, это ты... — разочарованно сказал Галкин голос в домофоне. — Поднимайся”.

— Отлично выглядишь, — выдавила Татьяна, поражаясь тому, что только сейчас заметила, как нелепо стареет Галка.

“Да ведь ей к шестидесяти. А какой была! На фирменные поезда ставили. Фигурка точёная, а сейчас...” — подумалось Татьяне.

— С ними будешь отлично выглядеть! — закричала Галка.

— С кем, с ними-то?

— С Танюшкой этой! С сыночком моим! Уехали только. Это она его, змеюка, научила! Заявились! “Отдари, мама, хотя бы половину отцовской квартиры. Все квартиры на тебе, а у нас дети, семья. Завещание-то ты на Ольгу сделала. Мы-то как же?” “Какая, говорю, семья, если вы не расписаны даже!” Во-от! Ты за рулём? Чай будешь? Искал чуть не до сорока лет! Нашёл! Сокровище! Разведёнку! Родила скорей одного за другим, третий на подходе. А всё, чтобы квартиру оттяпать у дурака! Шиш с маслом она у меня получит, а не квартиру. Я ему сказала: “Распишешься, прокляну!” Змея! Ох, какая змея! Ты чего без звонка-то? Случилось чего?

— Да мимо ехала, — глуповато улыбнулась Татьяна, — дай, думаю...

— Война у меня, подруга! Пострашнее мировой! Не думала, что доживу до такого! Кварти-иру, мама! Дур-рак! У родной сестры готов из горла вырвать, а этой... отдать! К матери с такими разговорами не постыдился приехать! Да этих... танюшек, как грязи, а квартира... ты заработай её пойдди! Потом и кровью всё добыто! Потом и кровью! Я не я буду, если не разведу их! Не дам им жить! Ишь, пристроилась...

— Ладно, — поднялась Татьяна, — поеду. На точки ещё надо заскочить. На минутку я... по старой памяти. Помнишь, как...

— Ничего я не помню, Татьяна! Чего мне помнить, когда родную дочь того и гляди голяком по миру пустят! — залилась Галка самыми настоящими слезами.

“И горе её... настоящее. Хорошо, что у меня один наследник, хоть таких проблем не узнаю”, — подумала Татьяна и резко затормозила. На лавочке у соседнего дома плакала Танюшка..

— Эй, тёзка, довезу, куда нужно, — открыла дверцу Татьяна.

— Приве-ет! — поднялась Танюшка и переваливаясь, подошла к машине. Села, давась рыданиями.

— Куда тебя?

— Домой. К нему. Мы у матери его были. Ну, он психанул потом. Да я бы и сама добралась. Он отойдёт. Характер такой.

— А ревёшь чего? — Татьяна вырулила на центральную улицу.

— Да-а, — прерывисто вздохнула Танюшка, — наорались у матери его. Вцепилась в квартиру эту. Три ведь у неё, и все на неё записаны. Случись что с ним, и вйдём с детьми... к маме моей, на двенадцать метров. Она говорит, что я вцепилась в него... А мы... мы будто искали друг друга. И наши. И дети... потому что мы хотим, чтобы много детей, не меньше трёх, — Танюшка нежно погладила свой живот. — Станем старыми... много внуков... Дачу купим, они все у нас... на даче...

— Всё, не успели проскочить, — опустила руки Татьяна, — пробка.

— Я не понимаю, что-то же ему принадлежит в этих квартирах. На него же давали когда-то, — словно не заметив, что остановились, продолжала Танюшка, — а она — ни в какую!

Внезапно ливанул дождь. Татьяна подняла стёкла, включила “дворники”. Танюшка и перемены погоды не заметила, а продолжала недоумевать, смеяться, плакать, что-то подсчитывать, загибая тоненькие пальцы.

В соседних машинах тоже о чём-то разговаривали, курили, болтали по мобильным, делали потише или погромче музыку, слушали новости. Татьяна вспомнила недавний вечерний разговор с сыном. Иногда она называла его “Достоевским”, той же болезнью сызмальства мучился. Но в последнее время ничего, тьфу-тьфу, закончил институт, попробовал было проводником поработать, но в третьем же рейсе с ним случился чудовищный приступ. Начальство вызвало Татьяну, отчитало за подделку медепровок. Сейчас собственное дело открыл, ездит пока на том же “жигулёнке”, но начал копить на новую машину. Встречается с женщиной. Двойня у неё, славные мальчишечки. “Ты женись на ней, — уговаривала Татьяна, — женись. Не надо тебе своих детей, а то... передастся. А так, пусть. Я их... буду любить. Помогать буду. Мало ли что, что своих хочешь! На жизнь нужно смотреть реально. Жизнь, она... не как хочешь, а как получится”. Татьяна старалась не смотреть сыну в глаза, родных внуков хотелось до слёз, до спазм в горле, но Енц сказал, что болезнь эту хоть и начали сейчас кое-где лечить, но рисковать всё же не стоит, если есть наследственная предрасположенность. Енц — медик, социальный работник, тамошним “достоевским” помогает на плаву держаться.

А Танюшка всё переливала и переливала из пустого в порожнее, выстраданное её горе стекало с подкрашенных губ тусклыми капельками слов, и Татьяне стало казаться, что тёзка навеки прописалась в её машине, что в мире больше нет ни домов, ни дач, а есть только офисы, университеты, супермаркеты, рекламные щиты, отмытые от пыли дождевой водой. И почему-то не радовали ни тяжёлые листья будто помолодевших деревьев, ни девчонки, скачущие под разноцветными зонтиками через озёрки луж, ни упрямо пробивающееся сквозь тучи солнце.

И глядя на бескрайнюю реку машин, мокрых, неловких, нетерпеливо пофыркивающих, Татьяна неожиданно для себя громко и дурашливо запела:

*Р-раскинулось море шир-роко,
И волны бушуют вдали-и...
Товарищ, мы едем далёко-о,
Подальше от нашей земли...*